

Бахытжан Канакьянов

поэт, писатель, лауреат
Государственной премии им. Абая

ЛАНДШАФТ ПОЭЗИИ

Дайджест

* * *

Когда-то, в начале семидесятых годов прошлого столетия, меня, студента Политехнического института, привел в Союз писателей Казахстана мой дядька (так я любя его называю) Шота Валиханов, известный архитектор и драматург, и представил своему другу – Олжасу:

– Вот, Олжас, это мой племянник. Он будущий инженер-металлург, но пишет стихи.

А мне сказал:

– Это Олжас. Титан нашей литературы.

– Титан – это кипятильник, – со свойственным ему юмором и иронией отшутился Олжас. – А стихи этого парня я знаю. Хорошие. Мне о нем говорил поэт Валерий Антонов... Да и на недавнем совещании молодых поэтов его стихи достойно оценили.

Вот так, с легкой руки Шоты и Олжаса, в моей судьбе произошли крутые перемены... в пользу поэзии.

* * *

Дед моей жены, известный писатель и переводчик Галым Хакимович Ахмедов, в конце пятидесятых прошлого столетия возглавлял издательство в Казахстане, там же одно время работала незабвенная Фатима-апа, мама Олжаса. По воспоминаниям деда, который прожил 96 лет и покинул нас уже в начале XXI века, он однажды застал маму Олжаса плачущей. На вопрос, что случилось, она ответила, что ее старший сын, выпускник геофака КазГУ, бросает свою учебу и только пишет и пишет стихи. Галым Ахмедов дружил с Абдуали Карагуловым, отчимом Олжаса, был с ним родом из одних актюбинских мест. Он созвонился с ним и сказал, что для учебы в Литературном институте в Москву набирается группа казахских студентов-переводчиков, и предложил включить в нее будущего классика поэзии Казахстана, ибо стихи его (а Галым Ахмедов уже ознакомился и со стихами, и даже фельетонами студента-геолога) были по таланту на порядок выше других участников этой переводческой группы. В нее входили Булат Жансугуров, Иван Голубев, Мереке Майлин. Одним словом, дети XX съезда КПСС.

Р. С. Олжас всегда помогал деду Галеке – путевкой в санаторий, поездкой в Москву или в Оренбург, где Галым Ахмедов месяцами бывал, находя в местных архивах материалы о первой казахской интеллигенции. А Фатима-апа, когда я уже работал у Олжаса, в стенах Союза писателей, часто звонила мне: «Бақытжан, айналайн, Олжасты тапшы. Маған звондасын (Бахытжан, айналайн, найди Олжаса. Пусть позвонит мне)». И мы с Бекеном (водитель Олжаса), в ту самую эпоху, когда не было ни сотовых, ни айпада, всегда его находили. И Олжас тоже находил телефон:

– Мама, это я!

* * *

Мало кто знает, что в декабре 1985 года Олжас передал довольно внушительную сумму из своих личных средств (где-то 200 рублей) на юбилей, 75-летие Павла Васильева. Говорю об этом как непосредственный участник этой благой акции. Я летел в Москву, в командировку по каким-то делам. Зашел к своему Учителю и сказал, что, возможно, будет отмечаться юбилей Павла Васильева. Олжас сразу понял, в чем дело, добавив, что вряд ли будет собираться юбилейная комиссия (еще не те были времена). Достав ассигнации, вложил в конверт и сказал мне:

– Лучше будет, если это отдашь вдове поэта, Елене Вяловой-Васильевой. Я знаю, что она жива. Найдешь ее через своих московских друзей. И скажешь, что это «юбилейный чапан» памяти Павла Васильева от казахских поэтов.

По приезду в Москву, действительно, через друзей и людей знающих (Михаила Числова, заместителя главного редактора издательства «Советский писатель», и русского поэта Валентина Сорокина) нашел адрес и телефон Елены Александровны Вяловой-Васильевой. Это был знаменитый дом в Лаврушинском переулке, вблизи Третьяковки (кстати, этот дом упоминает Олжас в своей «Аз и Я», когда он не раз приходил к В. В. – скорее всего это был Вячеслав Всеволодович Иванов, сын писателя, ученый-лингвист). У меня уже была публикация о творчестве Павла Васильева в «Просторе», и беседа за чаем в гостях у Елены Александровны текла спокойно и непринужденно. Я торжественно вручил «чапан» к предстоящему юбилею поэта, правда, подчеркнул, что это подарок лично от поэта Олжаса Сулейменова. Две-три слезинки проступили на морщинистом лице Елены Александровны, прошедшей и допросы, и лагеря, и ссылки. Была при этой встрече и журналистка из Павлодара (к сожалению, не помню фамилии). А здравствующий и ныне русский поэт Валентин Сорокин наверняка помнит этот случай, ибо когда я ему позвонил и объяснил причину визита к вдове поэта, он благодарно задышал в телефонную трубку:

– Спасибо, братья!

* * *

В канун 9 мая в кафе «Каламгер» при Союзе писателей Казахстана по инициативе Олжаса Сулейменова собирались ветераны Великой Отечественной войны. Стол-дастархан имел чисто фронтовой изыск. Картошка в мундире, селедка и, разумеется, наркомовские сто грамм, разлитые в алюминиевые кружки. Были песни военных лет, воспоминания ветеранов-писателей. Были среди них и два-три писателя, которые волею судьбы оказались в плену и даже служили в Туркестан-

ском легионе. Они держались особняком, иногда дело доходило до перепалки за столом. Олжас, чтобы как-то сгладить сложившуюся ситуацию, изрек, поднимая алюминиевую кружку:

– За ветеранов Великой Отечественной и Второй мировой войны!

* * *

Когда-то в предгорьях Заилийского Алатау был прекрасный Дом творчества Союза писателей Казахстана. Писатели жили и творили в нем месяцами. У каждого был свой распорядок творческой жизни. Всю ночь работать, творить, а затем до обеда спать-отдыхать, пропуская завтрак. Иногда, конечно, были злоупотребления алкоголем. Поступали жалобы и сигналы на эти писательские «шалости»

И Олжас решил навести порядок, попросив стать директором Дома творчества прославленного летчика, ветерана, дважды Героя Советского Союза Талгата Бигельдинова. После долгих уговоров живая легенда войны согласился.

– У нас, среди писателей Советской страны, только двое дважды героев... Это – Георгий Мокеевич Марков, первый секретарь Союза писателей СССР, дважды Герой Социалистического Труда, и наш Талгат Якубекович Бигельдинов, дважды Герой Советского Союза – директор Дома творчества Союза писателей Казахстана, – с гордостью говорил Олжас.

Но через неделю пришла большая писательская свита проживающих в этом самом Доме творчества во главе с народным писателем Сакеном Жунусовым:

– Олжас, дорогой, избавь нас от этого директора, его ратные подвиги мы знаем с детства, гордимся им, и все же и нашему терпению есть предел...

Дело в том, что слова Олжаса «навести порядок» прославленный летчик, полковник авиации, понял по-военному. И перевел всех обитателей Дома творчества на почти казарменное положение. В семь подъем, зарядка, завтрак и так далее... В 11 часов ночи отбой. Что по полному шву нереально для достойных представителей казахстанской литературы.

– Я вчера только в шестом часу заснул, а в семь уже Талгат-ага будит: «Сакенжан, пора вставать на зарядку», – возмущался автор «Акан-серы».

– Пусть он остается в наших сердцах прославленным героем войны и литературным персонажем наших произведений, но только не директором Дома творчества.

Через день Талгат-ага подал заявление об уходе по собственному желанию. Олжас от имени секретариата Союза писателей Казахстана выразил благодарность. А жильцы Дома творчества накрыли по этому поводу дастархан. И первый тост был в честь дважды героя Советского Союза Талгата Бигельдинова.

* * *

Сугубо личное. В июне 1978 года я женился. Наконец-то! – вздохнули близкие и родные. А точнее, в этот день была наша свадьба с Гульнар. Она химик. Я молодой поэт, уже издавший первый свой сборник, но инженер-металлург по первому образованию. Гостей было много, очень много по тем социалистическим меркам. Свадьба была общая, не так, как сейчас. Был выбран самый большой зал в Алма-Ате, а это столовая АЗТМ на триста человек. Тогда я уже работал на «Казахфильме», и Борис Гутлин и оператор Ораз Рымжанов сделали для нас с

Гульнар подарок, тоже крутой по тем временам. Засняли на киноплёнку регистрацию бракосочетания. Из многочисленных гостей (кого помню) – Шота Валиханов, Евней Букетов, Абдильда Тажибаев, Валерий Антонов, Кожамет Балахметов, разумеется, дед Галеке, ибо моя Гуля, как старшая внучка, воспитывалась у него, жила в «косых дворах», и, конечно, Олжас. Мама моя, когда надо было открывать свадьбу со стороны жениха, первому предоставила слово сорокадвухлетнему Олжасу, хотя были аксакалы постарше, ибо она, как любая мама в мире, понимала и сердцем и душой, что значит для ее сына-поэта слово его Учителя.

Олжас в свойственной ему шутиливой манере, с братским подтекстом, пожелав нам счастья, привел строчки своего друга Роберта Рождественского, обращаясь к Гульнар:

– Когда-то у Роберта Рождественского спросили при встрече с читателями: «Наверняка ваша жена счастлива?!» На что Роберт ответил:

Желаю вам мужа –
Хорошего мужа.
Хорошего мужа,
Но не поэта.

P. S. Забавный случай произошел после свадьбы, которая завершилась далеко за полночь. Дядя Олжабай Темирханов, полковник милиции, ветеран Великой Отечественной, близкий друг дяди Артыка, тоже полковника, брата мамы Олжаса Фатимы-апа, увидев, что гостей очень много и такси не успевает их развозить, вызвал по рации «ПМГ» – передвижная милицейская группа, которой он тогда командовал:

– Начинаем операцию «Свадьба». Все машины «ПМГ» города на перекресток Комсомольской и Розыбакиева!

И спустя минуту машины с милицейскими сиренами столпились у выхода из столовой АЗТМ. Так и развезли разгулявшихся гостей по домам. О, где эти незабываемые мной золотые семидесятые!

* * *

В конце октября прошлого года в Париже вышла книга моих стихов в переводе на французский язык. Переводчик Тьерри Мариньяк. Предисловие Киры Сапгир, которая свыше полувека живет во Франции. Мои французские друзья предложили мне вместо имени и фамилии обозначить просто – Жан Бахыт, с чисто французским шармом. Я согласился с этой поэтической авантюрой. А книга имеет название «Обратная перспектива» – «*Perspective inversee*», около двухсот стихов и пять поэм. Открывает книгу сонет «Мастеру» с посвящением моему Учителю – Олжасу Омаровичу Сулейменову.

МАСТЕРУ

Олжасу Сулейменову

Нести – строка к строке – на встречные года
Из залежей веков руды богатой сколы.
Напоминая нам былого ореолы,
Мерцают зерна на изломах – как слюда.

Юнцы иглою, что на диске радиолы,
Судьбы выносят ритм в большие города...
Спасибо, старший друг,
 за мудрость вашей школы,
Что неизвестная за нею мне грядя.

Что образ слова из глубин людской души
Встает над суетой, над пропастью во ржи,
Над озером, в ночи укутанным туманом.

Поэта увлечет и дервиш-пилигрим,
И Назарея, Византия, третий Рим,
И безымянный тот балбал, что за курганом.

* * *

В 1986 году мне пришлось готовить к изданию первый библиографический указатель литературных произведений Олжаса Сулейменова. Работа была интересной и захватывающей. Были и казусы. Например, указатель составляется, разумеется, по алфавиту, и первым литературным произведением значилась запрещенная идеологическим аппаратом книга «Аз и Я». И этот самый «идеологический аппарат» требовал, чтобы были указаны только отрицательные отзывы и рецензии на данную книгу. Разумеется, я с этим не согласился, объяснив цензурионам из ЦК, что есть элементарная научная объективность, которая не подвластна диктату времени и строя...

И сегодня подтверждается эта аксиома. Имена шельмовавших поэта мы вспоминаем только благодаря его творчеству. Не зря я вспомнил то время, когда из анналов библиотек, из тьмы хранилищ, словно из тьмы колодца, всплывали незнакомые не только читателю, но и самим автором забытые его ранние стихи. Все проходит: споры, политика, сиюминутность того или иного явления, а стихи остаются.

Я тогда не представлял, что через много лет, объединив эти стихи, смогу издать их отдельной книгой. Издать без политического и цензурского диктата. Издать уже в своем собственном издательском доме «Жибек жолы». Издать просто небольшую книгу лирики поэта Олжаса Сулейменова «Айналайн», 1996 г. Основу той книги составили малоизвестные на тот период стихи поэта, ибо все, что создано Мастером, должно принадлежать истории и человечеству.

Легкое облако грусти возникает при чтении стихов этого сборника. Давно уже образ Алма-Аты, не раз воплощенный в стихах поэта, имеет совсем другие контуры и краски. Канул в Лету и характерный пейзаж, где прошли детство и юность, время взлета, становления и расцвета творчества Мастера. «Мой город во Вселенной знаменит тем, что другим его не заменить». И только ландшафт гор постоянен. В стихах и в жизни. Это ландшафт Поэзии.

Быть может, причина возникшей грусти в том, что мы повзрослели на этот период жизни, на стиховой диапазон этой книги, но стоит поднять голову, как вновь в душе рождается «предчувствие гор».

Существенный фактор национального своеобразия поэтики О. Сулейменова: он может буквально одной строфой обозначить свою глубокую сыновью при-

частность к казахскому фольклору, казахскому эпосу и, следуя принципу «от частного к общему», предстать сыном человечества, представителем мировой культуры:

По клавишам и – закричат!
Но выручку, быстрее Листа,
из эпоса джигиты мчат,
опаздывая
лет на триста...

В стихах «Кочевник», «Песня кумана», «Хромой кулан», «Карагач», «Красный гонец и черный гонец», «Молитва батыра», «Кочевье перед зимою...», «Волчата», «Последнее слово акына Смета» и многих других прослеживается то личностное начало и глубоко индивидуальный поэтический взгляд на суть явлений быстро меняющегося мира, которые сопряжены с этим постулатом, от частного к общему, не ограниченными географическими рамками.

Эти элементы глубоко характерны для всего творческого пути Олжаса Сулейменова. И об этом еще в конце семидесятых прошлого столетия писал профессор Сорбонны, поэт и переводчик русской поэзии Леон Робель, представляя французскому читателю свой перевод поэмы «Глиняная книга»:

«Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он хочет читать историю как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю Человечества, все же единую, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство. Это страстное чувство проходит через всю книгу, и несмотря на шутивную, едкую полемическую форму, это произведение, от корки до корки – эпическое; давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса. Мы признаем Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно».

Примечательно, что по книгам, вышедшим в зарубежных издательствах, не раз проводились читательские конференции и дискуссии. Широко известна в литературных кругах Франции дискуссия в связи с выходом в Париже «Года обезьяны» и «Глиняной книги». «В “Годе обезьяны” Олжаса Сулейменова, – писала Лили Дени в газете “Летер Франсез” за 19 июня 1968 года, – я прочла то, что является одновременно прошлым и будущим. Слова о корнях... Теперь я открываю, что это за корни, которые спасают Олжаса Сулейменова, и какой мост обеспечивает преемственность казахской литературы. Этим мостом является любовь к родному слову и сила традиции устного творчества».

Это было сказано и опубликовано в застойные советские годы. Но это по-своему прекрасное время, ибо оно совпало с нашей юностью и молодостью.

Когда-то при иностранной комиссии Союза писателей СССР издавались ротационным способом зарубежные литературные материалы «По страницам зарубежной печати», «Панорама литературной жизни за рубежом». За точность названий этих серий не ручаюсь, но то, что они издавались тиражом 100–150 экземпляров с грифом «ДСП» – «Для служебного пользования» и рассылались во все союзные республики, именно руководству местных писательских организаций – ручаюсь

однозначно. Одним из секретарей Союза писателей Казахстана был в то время Олжас Сулейменов, и он получал эту спецпочту из Москвы, бегло знакомился с ней и... отдавал на время мне, молодому поэту в возрасте двадцати пяти лет, с ироническим напутствием: «Повышай свой кругозор...» Сейчас, спустя много лет, перебирая свои записи того периода, я бы мог составить развернутое полотно о неподдельном интересе зарубежной критики того периода к творчеству советских писателей.

В этой связи вспоминается, как осенью 1977 года девять поэтов Советского Союза посетили Париж, тем самым осуществляя некий «Протокол дружбы», заключенный в 1975 году между Союзом писателей СССР и Обществом литераторов Франции. Это Константин Симонов, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Владимир Высоцкий, Марк Сергеев, Олжас Сулейменов, Виталий Коротич и Размик Давинян. От Андрея Вознесенского, который в то время находился в США, были получены извинения за невозможность участия на этом празднике поэзии.

Наши поэты имели полные залы и оглушительный успех. Французская пресса писала в те дни, что голоса поэтов, прибывших из разных мест, голоса разных языков Советского Союза достигли сердец публики благодаря переводам Леона Робеля и чтению Антуана Витеза.

А об Олжасе Сулейменове «Летер Франсез» писала так: «Олжас Сулейменов творит на “границе двух миров” Европы и Азии. Его творчество – смесь истории и культур с удивительным языковым богатством, редкая дерзость и свобода манеры говорить – совершенно изумительны. Его “Глиняная книга”, появившаяся в 1969 году в Алма-Ате и замечательно переведенная Леоном Робелем, является прекрасным введением в его творчество. Азия его голосом выходит из трясины истории и музеев, чтобы вновь стать музой: и поэт здесь является провидением, которое позволит его народу не увязнуть полностью в марксизме-ленинизме».

Эти отклики – пример того, что когда-то объединяли писателей и поэтов не только красные членские корочки Союза писателей СССР, а что-то более возвышенное, имя которому – братство по духу и творчеству.

В этой связи нельзя не вспомнить о том, как в результате творческой и земной дружбы двух больших поэтов, Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского, появился уникальный «совместный проект» – образ поэта Махамбета. Это один из тех редких случаев в истории поэтического перевода, когда один поэт не переводит, а именно передает дух и образ мыслей другого поэта, так называемую «квинтэссенцию» его творчества, которая не поддается гладкому, калькированному переводу.

Благодаря поэзии Андрея Вознесенского и Олжаса Сулейменова Махамбет, ставший идеалом борца за свободу творчества, стал близок и понятен многим аудиториям мира, ибо стихи из цикла «Читая Махамбета» и стихи, посвященные ему, звучали в разных странах и на разных языках.

В стихотворении, посвященном поэту Андрею Вознесенскому (а это стихотворение было написано задолго до выхода книги «Аз и Я»), Олжас Сулейменов остается верен самому себе и выбранным еще в поэтической юности ориентирам, благодаря которым стал близок и понятен многим аудиториям мира:

Это кажется мне –
Аз и Я – Азия,
ошибаюсь.

Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь
в другом.

Это все роднит поэзию разных литератур и составляет ее великую тайну. И это в силу своего большого таланта смог прочувствовать Андрей Вознесенский и подарил читательской аудитории разных стран своего Махамбета.

В феврале 1996 года, когда я проводил Вечер поэзии Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и Александра Ткаченко в Алматы, то был свидетелем, как слушатели, пришедшие в зимний вечер на встречу с поэтами из Москвы, просили прочитать и «АТЕ 37-70», посвященное Олжасу Сулейменову, и стихи из цикла «Читая Махамбета». Андрей Вознесенский взволнованно выдохнул в переполненный зал: «Спасибо вам за Олжаса!»

Эхо посредством акустики, а быть может, мне послышалось так, но этот возглас благодарная аудитория перевела на язык наших отцов и наших детей:

– Олж-жаса-сын!

* * *

Объединил вас Махамбетом
В одной статье.
Но ауры той жизни нету,
И все – не те.
Всей грудью нам бы оглянуться,
Разлом судьбы.
Какое счастье – не прогнувшись,
Идти на вы!
И рыцарь всей Степи в Париже,
Аристократ.
Я брата старшего не вижу,
Прости мне, брат.
В стихах Господь не шлет второго,
Меньшой не в счет.
Нам ангелы диктуют Слово,
А также Черт.
Приходят образы святые,
И прошлый век
На файле строки роковые
Несет для всех.
Врага пронзает дрожь степная,
Знать, свечку в зоб!
Где ныне спит земля чужая,
Там предков зов.

* * *

Вспоминаю, как когда-то, в 1975 году, мой учитель Олжас Сулейменов подарил мне только что вышедшую книгу «Аз и Я», которая стала научным бестселлером «от Москвы до самых до окраин». Подарил с надписью «Бахытжану, с надеждой на

твои успехи!». Я и возил ее всюду, по городам и весям, зачастую этимологически сверяя названия мест и ландшафта от Иртыша до Дуная в то далекое время, а в настоящее – от Японии до Мексики. И у меня на одном из привалов моего мирового кочевья ее «взяли» без спроса и, разумеется, не вернули. Это и понятно, ибо в то время цена этой книги на книжном базаре нашей великой империи Страны Советов зашкаливала за стоимость автомобиля. Но у меня, как у букиниста со стажем, была еще одна книга «Аз и Я» этого же года издания, правда, к глубокому сожалению, без дарственной надписи Уста – Учителя. О чем я с долей грусти сказал в 1996 году, в день его шестидесятилетия.

Олжас Омарович, не раздумывая, подписал на втором экземпляре: «Бахытжан, в 75-м я писал: “С надеждой на твои успехи”, сегодня – “поздравляю с Успехом”. Олжас Сулейменов, 20 мая 1996 года».

Но бог с ними, с успехами. Сейчас речь о Книге, без познания которой моя творческая судьба была бы далеко не полной, да и не было бы, возможно, этих самых успехов, отчасти приятных для любого поэта или писателя.

Не буду вдаваться в подробности судьбы этой книги. Они общеизвестны. Остановлюсь на главном для себя и многих других. Главном на нынешний момент – по времени и пространству Мы находимся в особом переходном пункте человеческой истории, и не просто потому, что хронологически отражаем календарь, а потому что наш мир сам по себе меняется. Геополитические барьеры разорваны, и возникает новый мир. К сожалению, возникает этот новый мир в беспорядке и смятении. И быть может, совсем по-иному могла бы сложиться нынешняя ситуация, если бы книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я» начали изучать еще в те самые семидесятые годы прошлого столетия.

Постигая ее живые страницы на молекулярном уровне.

Вынашивая для будущего атомы взаимопонимания.

Выстраивая на века и столетия этимологию духа.

Как знать...

По материалам 2002, 2003, 2006, 2014, 2016 гг.

